

DOI: 10.31857/S0869049922050021
EDN: EZKJLF

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА GLOBAL POLITICS

Оригинальная статья / Original Article

Инфраструктурная конкуренция США и КНР в развивающихся странах¹

© А.В. БОРЕЙКО, А.А. ВЕРНИГОРА, С.В. КИСЛИЦЫН

Борейко Антон Владимирович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), aboreyko@imemo.ru. ORCID: 0000-0001-6733-8629

Вернигора Алина Андреевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), avernigora@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-6447-5078

Кислицын Сергей Владимирович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), skislitsyn@imemo.ru. ORCID: 0000-0002-8438-7964

В статье проводится краткий сравнительный анализ американских и китайских инфраструктурных проектов. В качестве методологической основы выбран мир-системный подход, который позволяет установить объективные возможности и ограничения стратегий США и Китая как взаимосвязанных частей мировой экономики и политики. В первой части статьи описан мир-системный подход, а также положение КНР в современной системе международных отношений. Вторая часть посвящена китайской инициативе «Один пояс – один путь», в третьей проводится анализ встречных инициатив, выдвинутых Соединенными Штатами.

¹ Финансирование. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075–15-2020-783).

Funding. The article was prepared within the project “Post-crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075–15-2020-783).

Ключевые слова: Китай, США, «Один пояс – один путь», цифровая инфраструктура, Партнерство по глобальной инфраструктуре и инвестициям, мир-система, глобальное лидерство

Цитирование: Бореико А.В., Вернигора А.А., Кислицын С.В. (2022) Инфраструктурная конкуренция США и КНР в развивающихся странах // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 60–75. DOI: 10.31857/S0869049922050021, EDN: EZKJLF.

The USA and China Infrastructure Competition in Developing Countries

© A. BOREYKO, A. VERNIGORA, S. KISLITSYN

Anton V. Boreyko, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), aboreyko@imemo.ru

Alina A. Vernigora, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), avernigora@imemo.ru

Sergey V. Kislitsyn, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), skislitsyn@imemo.ru

Abstract. The article provides a brief comparative analysis of US and Chinese infrastructure projects. The world-system approach, which allows to establish the objective possibilities and limitations of the strategies of the United States and China as interconnected parts of the world economy and politics, was chosen as a methodological basis. The first part of the article describes the world-system approach, as well as the position of the People's Republic of China in the modern system of international relations. The second part is devoted to the Chinese Belt and Road Initiative. The third part provides an analysis of counter-initiatives put forward by the United States.

Keywords: China, USA, Belt and Road Initiative, digital infrastructure, Partnership for Global Infrastructure and Investment, world-systems theory, global leadership

Citation: Boreyko A., Vernigora A, Kislitsyn S. (2021) The USA and China Infrastructure Competition in Developing Countries. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 60–75. DOI: 10.31857/S0869049922050021, EDN: EZKJLF.

Американо-китайские противоречия становятся центральными в формирующейся системе международных отношений. После провала идеи о выстраивании эффективного сотрудничества двух стран (в том числе так называемой «Большой двойки» (G2) в начале 2010-х гг.) стороны стали переходить к стратегической конкуренции. Ее особенность – акцент на торгово-экономической и технологической сферах.

Такое развитие событий требует от Соединенных Штатов принципиально новых подходов, с которыми они не сталкивались ранее. Конфронтация с Советским Союзом носила преимущественно военно-политический и идеологический характер. В то же время торговля, прямые иностранные инвестиции и технологическое лидерство в гражданском секторе были для США источником доходов в борьбе с СССР. Теперь же именно эти сферы становятся основными в противостоянии двух глобальных лидеров.

В современных условиях данные направления подразумевают и создание соответствующей транспортной и телекоммуникационной инфраструктур – основы для межстрано-

вого сотрудничества. В данной сфере Китайский проект «Один пояс – один путь» (ОПОП) стал крупнейшей глобальной инициативой, которая устанавливает соответствующие стандарты и превращается в серьезный рычаг политико-экономического влияния.

США, рассматривая КНР в качестве своего основного стратегического конкурента, вынуждены отвечать на китайские проекты. Однако их возможности на данный момент ограничены. Администрация Дж. Байдена в последние годы анонсировала ряд международных инфраструктурных инициатив, перспективы реализации которых по-прежнему не ясны. В данной статье проводится краткий сравнительный анализ американских и китайских инфраструктурных проектов.

Исследование проведено на основе мир-системного подхода, который отображает американо-китайскую конкуренцию в глобальном масштабе. Статья состоит из трех частей. В первой проводится описание мир-системного подхода, а также через его призму рассматривается положение КНР в современной системе международных отношений. Вторая часть статьи посвящена китайской инициативе «Один пояс – один путь», в третьей проводится анализ встречных инициатив, выдвинутых Соединенными Штатами.

Американо-китайское противостояние через призму мир-системного подхода

Конкуренцию Китая и США можно рассматривать, используя разные парадигмы теории международных отношений. Неолиберализм видит в ней идеологическое соперничество авторитарной и демократической системы, неореализм – политическую борьбу за установление нового мирового порядка, неомарксизм – противостояние империалистических держав. В данной статье теоретической основой анализа выступает мир-системный подход, при помощи которого анализируется инфраструктурная конкуренция США и КНР в развивающихся странах.

«Мир-система» – это сочетание глобальной экономической системы и множества политических и культурных систем. Поведение субъектов зависит от их принадлежности к одному из уровней мир-системы: периферии, полупериферии или центра. Принадлежность определяется способностью максимизировать прибыль за счет лидерства в обладании технологическими, финансовыми, политическими или военными ресурсами. Ключевое свойство мир-системы – постоянное движение потока ресурсов из стран периферии в страны полупериферии и центра [Wallerstein 2011].

В настоящее время США остаются лидером мир-системы и стремятся сохранить свой статус [Watkins 2019]. Проблема заключается в том, что на протяжении многих лет Соединенные Штаты борются с падением нормы прибыли [Абдулов, Джабборов, Комолов, Маслов, Степанова 2021], которое обусловлено увеличением капиталоемкого производства по отношению к трудоемкому и росту стоимости рабочей силы². Чтобы преодолеть сложившийся тренд, Соединенные Штаты используют вывоз капитала, перемещая трудоемкие операции в рамках глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) в периферийные и полупериферийные страны.

После распада СССР продвигаемая США политика неолиберализма приняла глобальный масштаб, сформировав новый мировой порядок. Структурные реформы «Вашингтонского консенсуса» в том числе предполагали приватизацию государственных предприятий и снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций, что облегчило американ-

² Labor cost index. The Global Economy. (https://www.theglobaleconomy.com/USA/labor_cost/).

ским компаниям приобретение внутренних активов в периферийных странах и их интеграцию в ГЦСС [Watkins 2019].

Соединенные Штаты постепенно отказались от вестфальского принципа незыблемости государственного суверенитета. Независимость становится «лицензией», которую Вашингтон может отозвать, если правительство не соблюдает либеральные политические и экономические нормы [Watkins 2019]. В сложившейся парадигме Пекин должен был открыть доступ к национальному рынку для американских транснациональных компаний (ТНК), а также провести неолиберальные реформы политической системы. В зависимости от того, насколько политика Китая соответствовала этим требованиям, Вашингтон планировал «поддерживать, сдерживать или уравнивать» Пекин³.

Неудивительно, что в американских документах, посвященных оценке внешнеэкономических и внешнеполитических рисков, Китай рассматривают как «ревизионистскую державу», которая стремится пересмотреть сложившиеся международные условия. Вместе с тем действия Пекина направлены на качественные изменения конфигурации расстановки сил и преимущественно выражаются в торгово-экономических аспектах. Данная стратегия обусловлена долгосрочными целями и стратегическими планами, которых придерживается Коммунистическая партия Китая (КПК).

Периферия с китайской спецификой

Парадоксально, но неолиберальная политика США отчасти способствовала укреплению экономической и политической мощи Китая, который начал встраиваться в мировую рыночную систему еще в конце 1970-х гг. Однако взлет экспортоориентированного «рыночного социализма», который пришелся на 1990-е гг., произошел именно на волне неолиберальной глобализации. В этот период страна развивалась в соответствии с парадигмой «летающих гусей» японского экономиста Канамэ Акамацу [Тауш 2019]. Как и другие «догоняющие» экономики, КНР предлагала развитым странам дешевую рабочую силу, однако обладала уникальными преимуществами: обширным внутренним рынком, развитой промышленностью, квалифицированными кадрами, грамотным населением, а также развитой государственной системой стратегического планирования, которая позволяла централизованно распоряжаться кредитами, организовывать инфраструктуру и контролировать потоки капитала, перераспределяя ресурсы между отраслями и регионами. Перечисленные внутренние факторы качественно отличали развитие Китая от «новых индустриальных стран». На протяжении 1990-х гг. Пекин пользовался этими преимуществами, сохраняя доминирование государства в экономике и повышая статус в мир-системе в том числе за счет американских инвестиций, но не бросая прямой вызов доминированию Вашингтона.

От периферии к полупериферии

Первым успешным испытанием этого курса стал азиатский экономический кризис 1997 г. Однако он же показал – если Пекин продолжит развивать экспортоориентированную модель развития, привлекать прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и вкладывать прибыль в американские ценные бумаги, в результате страна столкнется с угрозой утратить контроль над национальными активами. К примеру, дефолт Южной Кореи во время

³ National Security Strategy 1993. National Security Strategy Archive. (<http://nssarchive.us/national-security-strategy-1993>).

азиатского кризиса 1997 г. привел к резкому ослаблению государственного суверенитета в области экономики⁴.

Поэтому стратегия Пекина в 2000-е гг. меняется: основным драйвером роста становятся инвестиции в национальный рынок. Правительство определило стратегические отрасли развития экономики, создав благоприятные условия для соответствующих компаний, «национальных чемпионов» [Hemphill, White 2013]. Излишки капиталов переводили в виде ПИИ в рамках стратегии «Go Global», чему способствовало вступление во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. [Jenkins 2019, 18]. С этого момента Китай начинает импортировать сырьевые товары из полупериферийных и периферийных стран.

Мировой финансовый кризис 2008 г. укрепил выбранную стратегию. Несмотря на диверсификацию инвестиций, значительная часть своих сбережений Китай по-прежнему хранил в долговых ценных бумагах США. Часть из них – в печально известных ипотечных агентствах Federal National Mortgage Association (Fannie Mae) и Federal Home Loan Mortgage Corporation (Freddie Mac). Исчезновение этих средств стало шоком для Пекина, который все-таки попал в «долларовую ловушку», так как не мог рассчитывать на своп-линии⁵ от Федеральной резервной системы (ФРС).

В результате государство стало еще активнее стимулировать национальную экономику, увеличивая совокупное предложение и спрос [Watkins 2019]. Данные меры сработали, однако их следствием стали дальнейший рост удельного веса капиталоемких отраслей и увеличение стоимости рабочей силы [Huang, Liugang 2021]. Падение рентабельности замедляло темпы роста ВВП⁶, вызывало накопление избыточных мощностей, особенно в области инфраструктуры (электроэнергетический и строительный секторы), что ограничивало возможность развиваться в русле «мировой фабрики».

От полупериферии к центру

На фоне новой волны мирового экономического кризиса, начавшейся в 2014 г., китайские политики стали продвигать идею о радикальном изменении места страны в международной системе разделения труда – от «мировой фабрики» к мировому технологическому лидеру. На первом этапе (2015–2025 гг.) Китай должен достичь технологического суверенитета, на втором (2020–2035 гг.) – устанавливать стандарты инновационного производства для всего мира⁷.

В 2015 г. стартовал первый этап, появилась стратегия развития промышленности «Сделано в Китае 2025». В период тринадцатого (2016–2020 гг.) и четырнадцатого (2021–2025 гг.) пятилетних планов китайская экономика перестраивается под производство высоких технологий в соответствии с четвертой промышленной революцией⁸.

Второй этап начался в 2020 г., когда правительство ввело стратегию «Китайские стандарты 2035». В соответствии с ней КНР должна стать создателем стандартов индустрии

⁴ Tabb W. (1998) The East Asian Financial Crisis. Monthly Review. (https://monthlyreviewarchives.org/index.php/mr/article/view/MR-050-02-1998-06_3).

⁵ Swap Line – соглашение между двумя центральными банками разных стран о взаимном обмене валют по фиксированным курсам.

⁶ GDP growth (annual %) – China. The World Bank. (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=CN>).

⁷ Cyril M. What is Made in China 2025 and Why Has it Made the World So Nervous? China Briefing. December 28, 2018. (<https://www.china-briefing.com/news/made-in-china-2025-explained/>).

⁸ Четвертая промышленная революция – развитие цифровых промышленных технологий.

стрии 4.0 – например, в области автоматизации производства или экологически чистых технологий. Государство инвестирует в эти отрасли, создавая необходимую инфраструктуру⁹.

Стремясь достичь глобального лидерства в сфере высоких технологий, Китай делает ставку на развитие новой инфраструктуры – «цифровой, умной и инновационной», о чем руководство Коммунистической партии Китая объявило в 2020 г. Стратегия дополняет программы «Сделано в Китае 2025» и «Китайские стандарты 2035», и объявленная сумма государственных расходов в 14 «пятилетку» составит примерно 1,4 трлн долл. Средства будут направлены на развитие сетей 5G, искусственного интеллекта, интернета вещей, междугородних высокоскоростных железных дорог и научно-исследовательских институтов. В отличие от инфраструктурной политики во время кризиса 2008 г., правительство все больше работает с привлечением частных инвестиций¹⁰.

С точки зрения стратегии глобального лидерства в области новых стандартов, эта инвестиционная политика позволяет формировать цифровую среду с доминированием китайских технологий. Данный аспект отмечают и американские аналитики, по мнению которых государственные субсидии, кредиты и цифровизация проекта «Один пояс – один путь» способствовали стремительному росту Huawei и других технологических компаний [Capri 2020].

Один пояс – один путь

Интеграционный проект «Один пояс – один путь» (ОПОП) начали в 2014 г. в результате слияния сухопутного «Пояса и пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» [Jenkins 2019, 341]. Он направлен на создание глобальной производственной инфраструктуры с доминированием китайских товаров, финансов и технологий и представляет собой комплекс соответствующих инвестиционных программ. К 2021 г. участниками проекта стали 145 стран, которые обрели возможность экспортировать продукцию на крупнейший рынок на выгодных условиях, получать финансирование и использовать передовые технологии, что стало особенно важным в свете замедления роста глобального ВВП после кризиса 2008 г.

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) начали присоединяться к проекту в 2018 г., за 4 года присоединилась 21 страна из 33 [Albright 2022]. Так как ОПОП объединяет торговлю, финансы, инвестиции и инфраструктурные проекты в рамках единого пространства, он обеспечивает Китаю стратегическое преимущество в регионе с точки зрения сырьевой и продовольственной безопасности. Успехи Китая подтверждают американские эксперты, отмечая, например, преобладание китайских компаний на территории свободной экономической зоны в Панамском канале¹¹. Кроме того, в результате своей инвестиционной политики Китай получает технологии, которые дают ему возможность контролировать стратегическую инфраструктуру в Венесуэле, Сальвадоре, Ника-

⁹ Koty A. What is the China Standards 2035 Plan and How Will it Impact Emerging Industries? China Briefing. July 2, 2020. (<https://www.china-briefing.com/news/what-is-china-standards-2035-plan-how-will-it-impact-emerging-technologies-what-is-link-made-in-china-2025-goals/>).

¹⁰ Wong D. How Can Foreign Technology Investors Benefit from China's New Infrastructure Plan? China Briefing. August 7, 2020. (<https://www.china-briefing.com/news/how-foreign-technology-investors-benefit-from-chinas-new-infrastructure-plan/>).

¹¹ Nugent C., Campell C. The U.S. and China Are Battling for Influence in Latin America, and the Pandemic Has Raised the Stakes. Time. February 4, 2021. (<https://time.com/5936037/us-china-latin-america-influence/>).

рагуа, Кубе и Коста-Рике¹². Развитие более тесной экономической интеграции позволяет Китаю заручиться поддержкой элит в регионе вне зависимости от их политической ориентации. Например, позицию Пекина по Тайваню по состоянию на 2022 г. разделяют 25 латиноамериканских государства из 33, среди которых есть и левые, и правые, и центристские режимы¹³.

В Центральной Азии развитие ОПОП предполагает создание нескольких сухопутных транспортных коридоров, два из которых – северный и центральный – пролегают по территории региональных государств. Как и Латинская Америка, Центральная Азия экспортирует сырьевые ресурсы для КНР. Казахстан поставляет металлы и нефть, Узбекистан – хлопок-волокно, Кыргызстан – металлолом и продукцию животноводства. В связи с данной тенденцией большинство инвестиционных проектов в регионе завязаны на «жесткой» инфраструктуре – это газо- и нефтепроводы, а также транспортные узлы. За последние 30 лет объем торговых потоков между регионами увеличился в 100 раз¹⁴.

Поскольку изначально ОПОП должен был связать Китай с Европой, следующим по маршруту регионом после Центральной Азии стал Ближний Восток. Уже в 2016 г. Пекин стал крупнейшим инвестором и в этом регионе¹⁵, хотя еще в 2009 г. на его долю приходилось менее 1% прямых инвестиций. Как и в Центральной Азии, стратегической сферой для китайских инвестиций здесь выступают предприятия топливно-энергетического сектора и промышленности, а также транспортная инфраструктура.

Ближневосточная стратегия Пекина была опубликована в 2016 г.¹⁶ Сотрудничество со странами региона формируется по формуле «1+2+3», в основе которой находится энергетический сектор (1). Его развитие сопровождается модернизацией инфраструктуры и увеличением объемов торговли и финансовых вложений (2), что впоследствии должно обеспечить тесное сотрудничество по трем (3) высокотехнологичным сферам – атомная энергетика, освоение космоса и возобновляемые источники энергии [Lin 2017]. Китай балансирует между двумя ведущими игроками региона – Ираном и Саудовской Аравией. Пекин договорился с Эр-Риядом о координации ОПОП с программой «Видение 2030» и заключил пакет сделок стоимостью 65 млрд долл., одновременно поддержав кандидатуру Ирана на вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Тегерану также был предоставлен заем в 10 млрд долл. для развития инфраструктуры.

Если соглашения со странами Персидского залива касаются сотрудничества в сфере энергетики и технологий, то проекты в регионах Магриба и Машрика имеют преимущественно инфраструктурную направленность. Развитие портовых зон за счет китайских инвестиций происходит в Марокко, Алжире, Тунисе, Египте, Ливане и Сирии. Вместе со

¹² Chiodi L., Hoang Anh T. N. The Belt and Road Initiative in Latin America: How China Makes Friends and What This Means for the Region. Latin American Focus Group. March 18th, 2022. (<https://blogs.eui.eu/latin-american-working-group/the-belt-and-road-initiative-in-latin-america-how-china-makes-friends-and-what-this-means-for-the-region/>).

¹³ Mowla W., Bernhard I. (2022) Why Might Taiwan's Allies in Latin America and the Caribbean Soon Look to China? The Global Americans. January 6, 2022. (<https://theglobalamericans.org/2022/01/why-might-taiwans-allies-in-latin-america-and-the-caribbean-soon-look-to-china/>).

¹⁴ Central Asia plays a pivotal role in Belt and Road. China Global Television Network. 24.01.2022. (<https://news.cgtn.com/news/2022-01-24/Expert-Central-Asia-plays-a-pivotal-role-in-Belt-and-Road-175z6zTUxSo/index.html>).

¹⁵ Jabarkhyl N. Oman counts on Chinese billions to build desert boomtown. Reuters. September 5, 2017. (<https://www.reuters.com/article/us-oman-china-investment/oman-counts-on-chinese-billions-to-build-desert-boomtown-idUSKCN1BG1WJ>).

¹⁶ China issues Arab policy paper. China Daily. 13.01.2016. (http://www.chinadaily.com.cn/world/2016-01/13/content_23075665.htm).

строительством портов на близлежащих территориях создаются специальные экономические зоны, где на льготных условиях располагается китайское производство.

Еще в 2008 г. была основана китайско-египетская зона экономического и торгового сотрудничества China-Egypt TEDA Suez Economic and Trade Cooperation zone (TEDA Suez). КНР также принимает участие в строительстве нового административного кластера в восточной части Каира, инфраструктурных проектов близ Суэцкого канала, железных дорог и контейнерного порта на Средиземноморском побережье. Еще один порт планируется построить в Алжире. Первый алжирский глубоководный порт Эль-Хамдания на востоке страны сможет конкурировать с марокканским портом Танжер-Мед. По некоторым заявлениям, в обмен на строительство и инвестиции Китай получит право управления хабом на 25 лет¹⁷.

КНР также активно наращивает свое присутствие в Африке. Так, по состоянию на 2022 г. в ОПОП участвуют уже 49 стран континента. Предполагается ряд проектов в сферах инфраструктуры, развития мобильной связи, телекоммуникаций, рыболовства. Кроме того, действуют отдельные программы по строительству нефтяного терминала в Момбасе, а также производства вакцин в Касабланке. По всей видимости, КНР будет стремиться к интеграции ОПОП с Африканской континентальной зоной свободной торговли (African Continental Free Trade Area, AfCFTA), что позволит вести беспощинную торговлю китайскими товарами, а также занять центральное место в вопросах логистики, технологий и стандартов [Дейч 2022].

Таким образом, через ОПОП Китай создает инфраструктуру для включения периферийных стран в собственные ГЦСС, что приблизит Пекин к достижению стратегической цели – технологическому лидерству и месту в центре мир-системы.

Инициативы США

Развиваясь и охватывая все большее количество стран в ЛАКБ, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Африке, ОПОП представляет все больший вызов для интересов США в сферах торговли, финансов, технологий и стандартов. Как было сказано ранее, этот процесс создает угрозу постепенного «выдавливания» американских компаний из периферийных и полупериферийных стран за счет использования специфических рыночных механизмов. В результате также устаревает прежняя американская модель экономического лидерства и появляется необходимость пересмотреть практикуемые подходы, перестроить существующие и создать новые институты.

В предыдущие десятилетия неолиберальная глобализация шла при помощи создания зон свободной торговли (ЗСТ), которые подразумевали комплексный механизм обмена товарами, услугами и инвестициями, что вкупе с политикой дерегулирования позволяло американским компаниям доминировать на рынках периферийных стран. Вместе с тем последние подобные проекты – Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) и Транстихоокеанское партнерство (ТТП) – для США успехом не увенчались. Кризис мир-системы привел к снижению эффективности рыночных механизмов интеграции, преобладанию механизмов экономического национализма и протекционизма.

В 2016 г. были прекращены переговоры с Европейским союзом в рамках ТТИП. В данном случае подготовка соглашения изначально сопровождалась рядом противоречий, связанных с различиями в стандартах, требованиях к качеству продукции, защи-

¹⁷ Algeria's El Hamdania Port. International Trade Administration. 29.03.2020. (<https://www.trade.gov/market-intelligence/algerias-el-hamdania-port>).

той производителей и рабочих мест, проблемами взаимного допуска к государственным закупкам.

В 2017 г. администрация Д. Трампа в первый же день своей работы объявила о выходе из подписанного годом ранее соглашения о ТТП. Вместо этого в 2019 г. оставшиеся одиннадцать стран подписали Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП), которое в целом повторяло предыдущую версию, но уже без участия США.

Отказ от Транстихоокеанского партнерства не встретил серьезных возражений в США, в том числе и у оппонентов Трампа. Причины для данного были схожи с выходом из ТТИП – стремление защитить национальный рынок от угрозы роста безработицы и снижения оплаты труда в США, вызванной наплывом дешевых товаров из других стран-партнеров по ЗСТ¹⁸. Кроме того, протекционистская политика, несовместимая с принципами ЗСТ, может рассматриваться и как следствие снижения рентабельности системообразующих компаний стран центра.

Вместе с тем стратегия заключения двусторонних торговых соглашений, которой придерживались Д. Трамп и Республиканская партия, оказалась не менее сложной. Кроме того, на фоне выхода США из региональных проектов была создана новая зона свободной торговли – Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), в котором принимает участие и КНР. Также в его состав вошли страны АСЕАН, Австралия, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония.

Перечисленные факторы привели к тому, что Соединенные Штаты начали готовить альтернативную базу для реинтеграции своих союзников в новых условиях. Важнейшей задачей здесь становится выработка новых норм и стандартов, которые в дальнейшем можно будет применить для создания своеобразной американоцентричной глобальной системы. Она не должна включать в себя КНР, а также другие страны, традиционно определяемые в качестве угроз для национальной безопасности – Северную Корею, Иран и Россию¹⁹. Одна из важнейших задач на этом направлении – создание альтернативы китайскому ОПОП.

В рамках данной цели первым шагом стало введение в 2019 г. программы Blue Dot Network (BDN) совместно с Австралией и Японией. Ее задача сводится к тому, чтобы выработать рамочные нормы, стандарты и принципы для развития международных инфраструктурных проектов, которые она же будет оценивать и сертифицировать²⁰. По замыслу разработчиков, данный шаг будет способствовать привлечению инвестиций, партнеров, а также обеспечивать дальнейшее развитие и эффективное функционирование создаваемых проектов. Данная программа осуществляется в сотрудничестве и при технической поддержке Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)²¹. За несколько лет работы финансирование BDN составило 60 млрд долл. и обеспечивалось за счет Международной финансовой корпорации развития (US International Development Finance Corporation), созданной в том же году.

Спустя два года администрация Байдена предприняла попытку продолжить линию Blue Dot Network через инициативу «Восстановим лучший мир» (Build Back Better World,

¹⁸ Popken B. Why Trump Killed TPP – And Why It Matters To You. NBC. 23.01.2017. (<https://www.nbcnews.com/business/economy/why-trump-killed-tpp-why-it-matters-you-n710781>).

¹⁹ См. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. 07.02.2022. (<https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2022-Unclassified-Report.pdf>).

²⁰ Blue Dot Network. U.S. Department of State. (<https://www.state.gov/blue-dot-network/#FAQ>).

²¹ The Blue Dot Network: A proposal for a global certification framework for quality infrastructure investment. OECD. (www.oecd.org/daf/blue-dot-network-proposal-certification.pdf).

В3W)²², направленную на развивающиеся страны. О ней было объявлено на саммите «Группы семи» в 2021 г. Предполагалось, что основными задачами В3W станут обеспечение энергетической безопасности, развитие «зеленых» и цифровых технологий, а также здравоохранения. По сути, США предложили другим странам центра принять участие в создании инфраструктуры для укрепления позиций в совместном управлении ГЦСС на основе инновационных технологий. Инициативу предполагалось обеспечить за счет частных инвестиций при поддержке правительств стран «семерки». Ее название было созвучно с широкомасштабным планом по обновлению американской транспортной инфраструктуры «Восстановим лучше» (Build Back Better), который так и не одобрил Конгресс.

Далее – и, по всей видимости, стремясь уйти от ассоциации с непринятым законопроектом – В3W заменили на Партнерство по глобальной инфраструктуре и инвестициям (Partnership for Global Infrastructure and Investment, PGII). О его создании было объявлено на саммите «Группы семи» в 2022 г. Аналогично В3W, партнерство сосредоточится на развивающихся странах – преимущественно в Африке, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Его задачи сводятся к созданию инфраструктуры, развитию «зеленых технологий», продвижению норм и стандартов в сферах цифровой экономики, предпринимательства, здравоохранения, климата и гендерного равенства.

Ожидается что к проекту США смогут привлечь около 200 млрд долл., изначально за счет федерального бюджета (гранты, государственные фонды и организации), в дальнейшем – посредством частных инвестиций. Всего же, совместно с вкладом других членов «Группы семи», финансирование PGII должно составить около 600 млрд долл. США до 2027 г.²³ Однако к середине 2022 г. объем выделенных средств составлял около 3 млрд долл., а контрагенты в странах-реципиентах не были определены в полной мере. Заявлено, что среди них будут как правительства, так и частные компании.

Для сравнения, по оценкам Morgan Stanley, затраты КНР на развитие ОПОП, подразумевающего в первую очередь строительство транспортной инфраструктуры (hard infrastructure), могут составить около 1,2–1,4 трлн долл. к 2027 г.²⁴ К тому времени создание схожей и дублирующей системы будет невозможно, и в долгосрочной перспективе такая стратегия вряд ли будет иметь смысл. В результате перед Соединенными Штатами встает задача поиска альтернативных путей для парирования действий КНР. В этой ситуации акцент на цифровой экономике представляется эффективным ответом, поскольку ожидается, что вокруг нее будет сосредоточено внимание развитых стран [Широв 2022, 17]. Развитие соответствующей инфраструктуры может идти относительно быстрыми темпами. Кроме того, этот процесс будет сопровождаться отдельными программами по повышению уровня жизни населения развивающихся стран и созданием соответствующей «мягкой инфраструктуры» (soft infrastructure). Однако существует и ряд трудностей.

Как было отмечено выше, ожидается, что основные затраты придутся на частный сектор, однако для частных инвесторов проблема рентабельности вложений стоит еще более остро, чем для правительственных. Так как деятельность PGII будет сосредоточена на

²² President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership. The White House. 12.06.2021. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership>).

²³ President Biden and G7 Leaders Formally Launch the Partnership for Global Infrastructure and Investment. The White House. 26.06.2022. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/26/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-formally-launch-the-partnership-for-global-infrastructure-and-investment/>).

²⁴ Inside China's Plan to Create a Modern Silk Road. Morgan Stanley. 14.03.2018. (<https://www.morganstanley.com/ideas/china-belt-and-road>).

развивающихся странах, и, в частности, Африке, важнейшей проблемой становятся суверенные риски, которые препятствуют привлечению инвестиций. Соединенным Штатам придется решать проблему институциональных реформ в развивающихся странах для улучшения предпринимательского и инвестиционного климата.

К решению данных задач США планируют привлечь Агентство по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID), которое действует в тесной взаимосвязи с Государственным департаментом. Оно имеет многолетний опыт работы с правительствами и частным сектором в развивающихся странах, в том числе в деятельности по продвижению стандартов. Также в проекте примет участие государственная Корпорация «Вызов тысячелетия» (Millennium Challenge Corporation, MCC), которая оказывает непосредственную финансовую поддержку развивающимся странам в виде грантов. Ее годовой бюджет составляет около 900 млн долларов США, бюджет одобряет Конгресс. Задачей обеих организаций, по всей видимости, станет работа с местными правительствами и частным сектором для обеспечения благоприятной среды и привлечения местных и зарубежных инвесторов [Savoy 2022].

В рамках той же задачи выдвинутые инициативы (по крайней мере на начальных этапах) предполагается проводить при участии американских компаний из сфер энергетики, строительства и транспорта. Кроме того, государственные организации – USAID, MCC и ряд других – традиционно осуществляют большую часть закупок у американских поставщиков. Данная особенность, помимо прочего, обусловлена законом «Покупай американское»²⁵, об исполнении которого обязаны отчитываться бюджетные ведомства. Таким образом, стратегия развития PGII на ее начальном этапе близка к подходам КНР. Значительную часть проектов ОПОП оплачивают из китайского бюджета, а к работе привлекают китайских подрядчиков. Однако, в отличие от Китая, федеральное правительство США не может себе позволить аналогичные затраты на развитие инфраструктуры в зарубежных странах (1,2 трлн долл. за 10 лет). Есть издержки и у тактики привлечения частных инвестиций в PGII. Она не позволяет перераспределять средства между проектами в случае необходимости, и кроме того, увязывает объем поступающих средств с успешностью демократизации и развития местных политических и финансовых институтов.

Проекты, заявленные в рамках PGII, можно разделить на три группы: цифровая экономика, энергетика и социальная сфера. К первой относится один из флагманских проектов всей инициативы – прокладка телекоммуникационного кабеля SEA-ME-WS 6 между Юго-восточной Азией (Сингапур), Северной Африкой (Египет) и Западной Европой (Франция), стоимость которой составит 600 млн долл.

Еще один проект – Партнерство в области цифровых коммуникаций и кибербезопасности (Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership, DCCP). Его задачи – стимулировать экономически устойчивые и надежные инвестиции частного сектора, содействовать регуляторным реформам, способствовать внедрению современных методов обеспечения кибербезопасности и конфиденциальности данных²⁶. К последней задаче относится и создание инфраструктуры сетей 5G, что можно рассматривать как контрмеру продвижению китайских услуг в данной области. В состав DCCP также входит Цифровая инвестиционная программа для интернет-провайдеров и финансовых технологических компаний, которые действуют в Африке, Азии и Латинской Америке. Среди ее задач – поддержка

²⁵ 41 U.S. Code Chapter 83 – Buy American. Legal Information Institute. (<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/41/subtitle-IV/chapter-83>).

²⁶ Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership. U.S. Department of State. (<https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/11/2021-023h-CD-DCCP-One-Page-10292021-Accesssible-11012021.pdf>).

(в том числе инвестиционная) проектов с высоким риском, которые находятся на начальных стадиях развития.

В сфере энергетики и зеленых технологий PGI будет развивать действующую с 2013 г. при поддержке USAID программу Африканская энергетика (Power Africa), установку солнечных панелей в Анголе (около 2 млрд долл.), проект по обеспечению энергетической безопасности в Юго-Восточной Азии, а также разработку и постройку модульного реактора в Румынии.

Кроме того, в рамках PGI предполагается ряд социальных проектов, нацеленных на повышение уровня жизни в развивающихся странах. Среди них строительство клиник в Кот-д'Ивуар, запуск производства вакцин в Сенегале, поддержка проекта Всемирного банка по обеспечению заботы о детях в развивающихся странах, обеспечение безопасности пищевой продукции и развития агрокультурного комплекса в Индии, поддержка мелкого и среднего предпринимательства на юге Африки. Всего же к середине 2022 г. было объявлено 10 программ в различных регионах мира с общим финансированием около 3 млрд долл²⁷.

Помимо PGI, США активизировали политику по созданию региональных межгосударственных форматов экономического сотрудничества, имеющих схожие цели. Так, в конце мая 2022 г., в рамках азиатского тура Дж. Байдена было объявлено о создании Индо-Тихоокеанского экономического рамочного соглашения (ИТЭРС, Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF)²⁸. Его подписали Австралия, Бруней, Вьетнам, Индия, Индонезия, Малайзия, Новая Зеландия, Республика Корея, Сингапур, Таиланд, Филиппины и Япония. ИТЭРС подразумевает развитие новых стандартов международной торговли, в том числе в рамках цифровой экономики; повышение надежности цепочек поставок и логистической эффективности, обеспечение надежного доступа к сырью, минералам, полупроводникам, развитие чистой энергетики и зеленых технологий, разрешение проблем налогообложения и антикоррупционные меры.

В июне 2022 г. на Саммите Америк в Майами было объявлено об аналогичном ИТЭРС (и близком к PGI) региональном проекте – «Партнерство Америк для экономического процветания» (Americas Partnership for Economic Prosperity, APEP)²⁹. Ее основные направления – укрепление экономик стран Латинской Америки, развитие региональной инфраструктуры и повышение надежности цепочек поставок, внедрение зеленой энергетики, упрощение таможенных процедур, повышение стандартов труда, урегулирование проблем миграции, образования и здравоохранения, расширение экономических прав и возможностей женщин.

На данный момент оба региональных проекта можно охарактеризовать как неформальные, в которых отсутствуют какие-либо конкретные требования к участникам. Данный характер проектов обусловлен не только проходящими межгосударственными консультациями по выработке программ действий, но и политической ситуацией в Соединенных Штатах. Наличие конкретных требований и условий, обязывающих Вашингтон к

²⁷ President Biden and G7 Leaders Formally Launch the Partnership for Global Infrastructure and Investment. The White House. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/26/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-formally-launch-the-partnership-for-global-infrastructure-and-investment>).

²⁸ Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. The White House. 23.05.2022. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/statement-on-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/>).

²⁹ President Biden Announces the Americas Partnership for Economic Prosperity. The White House. 08.06.2022. (<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/08/fact-sheet-president-biden-announces-the-americas-partnership-for-economic-prosperity/>).

их выполнению, может негативно повлиять на часть политических элит США, в первую очередь – из Республиканской партии. Таким образом, привлечение частных инвестиций и создание соответствующих условий может оказаться единственным эффективным подходом для Вашингтона. Тем не менее этот вариант имеет и серьезные недостатки. Успешное преодоление суверенных рисков невозможно гарантировать, и оно же ограничивает приток частного капитала. Как следствие, PGI может столкнуться с неравномерностью и торможением развития по ряду направлений.

Тем не менее, важно отметить, что ИТЭРС и ПАЭП могут быть попыткой подготовить политические условия для более эффективного продвижения инициативы в рамках Партнерства по глобальной инфраструктуре и инвестициям.

Говоря о стратегических преимуществах, которые могут получить США при развитии PGI и сопутствующих региональных инициатив, можно отметить возможность влиять на инфраструктуру и инструменты, которыми пользуются агенты в цифровой экономике. Доступ к ее средствам, инструментам и услугам можно регулировать гораздо проще и быстрее, нежели транспортные коридоры. В таких условиях Соединенные Штаты могут оказаться способными ограничивать доступ к определенным ресурсам для отдельных стран-пользователей в зависимости от своих национальных интересов. Также, наоборот, возможность использовать созданную инфраструктуру может подразумевать выполнение ряда заданных условий. Среди актуальных примеров – отключение российских пользователей от ряда услуг, распространяемых в сети Интернет, начиная от развлекательных медиа-платформ и заканчивая профессиональным программным обеспечением.

Таким образом, распространение инфраструктуры, которая обеспечивает функционирование цифровой экономики, может проходить быстрее и требовать меньший объем средств. Кроме того, ее создание может дать США серьезный инструмент для экономического и политического воздействия на другие страны. Такое «лидерство по подписке» позволит Соединенным Штатам регулировать и ограничивать взаимодействие третьих стран с КНР в зависимости от ситуации.

* * *

Сравнительный анализ американских и китайских инфраструктурных проектов показывает значительные различия сторон с точки зрения планирования, реализации, а также исходных возможностей. С большой долей вероятности Соединенные Штаты не будут осуществлять программы по созданию транспортной инфраструктуры, стремясь дублировать уже существующие или создаваемые китайские проекты.

Вместе с тем, в условиях четвертой промышленной революции и развития цифровой экономики акцент будет сделан именно на цифровую инфраструктуру. Различия в подходах к созданию подобных проектов сводятся к принципам их финансирования, управления, а также к количеству вовлеченных партнеров. Если КНР действует в одностороннем порядке, США планируют активно сотрудничать со странами «Группы семи». Кроме того ожидается, что американские партнеры привлекут гораздо большие средства, нежели Соединенные Штаты.

Инфраструктурная стратегия США носит реакционный характер и направлена на сдерживание китайских инициатив. Причина в том, что Вашингтон превратился в заложника механизмов неолиберальной глобализации, которые становятся менее эффективными в нынешних неблагоприятных условиях. В то же время попытки Соединенных Штатов создать проекты, аналогичные проектам Китая, сталкиваются с объективными трудностями. Одна из них – качественно иная система стратегического планирования Пекина, которая

дает ему возможность более эффективно проводить в жизнь многолетние комплексные стратегии социально-экономического развития, в том числе в области глобальной инфраструктуры.

Можно предположить, что в случае негативной динамики развития американских проектов перед США возникнет реальная угроза утраты статуса лидера мир-системы, что приведет к обострению борьбы за рынки и ресурсы периферии, а также вызовет комплексную дестабилизацию международных отношений. При развитии этого варианта можно прогнозировать высокую вероятность милитаризации американо-китайского соперничества в различных регионах мира, поскольку в военном плане Соединенные Штаты остаются гораздо более мощной державой. В подтверждении этой гипотезы свидетельствует обострение ряда конфликтов с косвенным американским участием: на Украине, в Сербии и на Тайване.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулов Р.А., Джабборов Д.Б., Комолов О.О., Маслов Г.А., Степанова Т. д. (2021) Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку: научный доклад. М.: Научная лаборатория современной политэкономии. 269 с.

Дейч Т.Л. (2022) Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы // *Азия и Африка сегодня*. № 7. С. 48–56.

Потенциальные возможности роста российской экономики: анализ и прогноз (2022) Научный доклад. Под ред. А.А. Широга. М.: Арктик Принт. 295 с.

Тауш А. (2019) Канаме Акамацу. Биография ученого и теория длинных циклов // *Кондратьевские волны*. № 7. С. 211–230.

Albright Z. (2022) Trends in Trade and Investment: China and Latin America and the Caribbean in 2021 // The Boston University Global Development Policy Center. (<https://www.bu.edu/gdp/2022/03/28/trends-in-trade-and-investment-china-and-latin-america-and-the-caribbean-in-2021/>).

Capri A. (2020) Strategic US-China Decoupling in the Tech Sector. Why and How it's Happening. Hinrich Foundation. (<https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/tech/us-china-decoupling-tech/>).

Hemphill T., White G. (2013) China's National Champions: The Evolution of a National Industrial Policy – Or a New Era of Economic Protectionism? // *Thunderbird International Business Review*. Vol. 55. No. 2. Pp. 193–212. DOI:10.1002/tie.21535.

Huang, Y, Liugang, G. (2021) How Did Rising Labor Costs Erode China's Global Advantage? // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 183. Pp. 632–653. DOI: 10.1016/j.jebo.2021.01.019.

Jenkins R. (2019) How China is Reshaping the Global Economy: Development Impacts in Africa and Latin America. New York.: Oxford University Press. 407 p.

Lin C. (2017) The Belt and Road and China's Long-term Visions in the Middle East. Issam Fares Institute for Public Policy and International Affairs'. (https://www.aub.edu/ifi/Documents/publications/working_papers/2018-019/20190211_belt_and_road_china_me.pdf).

Savoy C. (2022) Future Considerations for the Partnership on Global Infrastructure and Investment. Center for Strategic and International Studies. (<https://www.csis.org/analysis/future-considerations-partnership-global-infrastructure-and-investment>).

Wallerstein I. (2011) Structural Crisis in the World-System // *Monthly Review*. Vol. 62. No. 10. (<https://monthlyreview.org/2011/03/01/structural-crisis-in-the-world-system/>).

Watkins S. (2019) America vs China // *New Left Review*. (<https://newleftreview.org/issues/ii115/articles/susan-watkins-america-vs-china>).

REFERENCES

- Abdulov R.A., Dzhaborov D.B., Komolov O.O., Maslov G.A., Stepanova T.D. (2021) *Deglobalizaciya: krizis neoliberalizma i dvizhenie k novomu miroporyadku: nauchnyj doklad. Moskva. Nauchnaya laboratoriya sovremennoj politekonomii* [Deglobalization: The Crisis of Neoliberalism and the Movement towards a New World Order: Scientific Report]. Moscow: Scientific Laboratory of Modern Political Economy. 269 p. DOI: 10.13140/RG.2.2.28808.14087.
- Albright Z. (2022) *Trends in Trade and Investment: China and Latin America and the Caribbean in 2021*. The Boston University Global Development Policy Center. (<https://www.bu.edu/gdp/2022/03/28/trends-in-trade-and-investment-china-and-latin-america-and-the-caribbean-in-2021/>).
- Capri A. (2020) *Strategic US-China Decoupling in the Tech Sector. Why and How it's Happening*. Hinrich Foundation. (<https://www.hinrichfoundation.com/research/wp/tech/us-china-decoupling-tech/>).
- Deich T.L. (2022) Ekonomicheskie svyazi Kitaya s Afrikoy: problemy i perspektivy. [China's Economic Ties with Africa: Problems and Prospects]. *Asia i Afrika segodnya*. no. 7, pp. 48–56.
- Hemphill T., White G. (2013) China's National Champions: The Evolution of a National Industrial Policy – Or a New Era of Economic Protectionism? *Thunderbird International Business Review*. vol. 55, no. 2, pp. 193–212. DOI:10.1002/tie.21535.
- Huang Y., Liugang G. (2021) How Did Rising Labor Costs Erode China's Global Advantage? *Journal of Economic Behavior & Organization*. vol. 183, pp. 632–653. DOI: 10.1016/j.jebo.2021.01.019.
- Jenkins R. (2019) *How China is Reshaping the Global Economy: Development Impacts in Africa and Latin America*. New York.: Oxford University Press. 407 p.
- Lin C. (2017) *The Belt and Road and China's Long-term Visions in the Middle East*. Issam Fares Institute for Public Policy and International Affairs'. (https://www.aub.edu/ifi/Documents/publications/working_papers/2018-019/20190211_belt_and_road_china_me.pdf).
- Potencial'nye vozmozhnosti rosta rossijskoj ekonomiki: analiz i prognoz*. [Potential Growth Opportunities of the Russian Economy: Analysis and Forecast] (2022) Scientific Report. Ed(s): A.A. Shirov. Moscow: Arctic Print. 295 p.
- Savoy C. (2022) *Future Considerations for the Partnership on Global Infrastructure and Investment*. Center for Strategic and International Studies. (<https://www.csis.org/analysis/future-considerations-partnership-global-infrastructure-and-investment>).
- Taush A. (2019) Kaname Akamacu. Biografiya uchenogo i teoriya dlinnyh ciklov [Kaname Akamatsu. Biography of the Scientist and the Theory of Long Cycles]. *Kondrat'evskiye volny*. no. 7, pp. 211–230.
- Wallerstein I. (2011) Structural Crisis in the World-System. *Monthly Review*. vol. 62, no. 10. (<https://monthlyreview.org/2011/03/01/structural-crisis-in-the-world-system/>).
- Watkins S. (2019) America vs China. *New Left Review*. (<https://newleftreview.org/issues/ii115/articles/susan-watkins-america-vs-china>).

Информация об авторах

Борейко Антон Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра изучения стратегического планирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: aboreyko@imemo.ru

Вернигора Алина Андреевна, младший научный сотрудник Центра изучения стратегического планирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: avernigora@imemo.ru

Кислицын Сергей Владимирович, кандидат политических наук, руководитель Центра изучения стратегического планирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: skislitsyn@imemo.ru

About the authors

Anton V. Boreyko, Candidate of Political Science, Research Fellow, Centre for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: aboreyko@imemo.ru

Alina A. Vernigora, Junior Research Fellow, Centre for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: avernigora@imemo.ru

Sergey V. Kislitsyn, Candidate of Political Science, Head of the Centre for Strategic Planning Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: skislitsyn@imemo.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 17.08.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 4.10.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 14.10.2022